

Б.Б. Бесетаев

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: besetaev86@gmail.com

СЛУЧАЙНЫЕ НАХОДКИ БРОНЗОВЫХ ВЕЩЕЙ РАННЕСАКСКОГО ВРЕМЕНИ ИЗ ВОСТОЧНОГО КАЗАХСТАНА

Эталонные для скифо-сакского мира вещи предметного комплекса из погребальных памятников раннесакской культуры VII–VI вв. до н.э. за последние десятилетия дополнились не менее значительными находками. В представленной работе рассматриваются случайные находки бронзовых предметов воинской поясной гарнитуры и детали конского снаряжения раннего этапа сакской культуры из Восточного Казахстана. Также приводится сравнительно-типологический анализ деталей с учетом конструктивно-функциональных качеств. Случайные находки датируются второй половиной VII — VI в. до н.э.

Ключевые слова: Восточный Казахстан, скифо-сако-сибирский ареал, раннесакское время, ранние кочевники, воинский пояс, конское снаряжение.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-041-052

Введение

Общепринято, что находки со статусом «случайные», особенно если неизвестно их изначальное местоположение, не являются памятниками. Однако как археологический источник они представляют бесспорную ценность. Среди случайных находок встречаются уникальные вещи. Введение этих материалов в научный оборот вносит важный вклад в развитие археологического знания. Задача настоящей статьи заключается в культурно-хронологической атрибуции случайных находок, сделанных недалеко от с. Баршатас в Восточном Казахстане¹. Первичные данные о найденных вещах и краткие их наименования содержатся в музейном каталоге, в котором обозначение некоторых деталей ошибочно [Культура..., 2009, с. 141–145]. Базируясь на разработками исследователями характеристике раннесакской культуры, попробуем определить культурно-хронологическую позицию бронзовых вещей. В целом детали конского убранства широко используются в хронологических построениях, при реконструкции миграционных процессов в древности и т.д. Изучение и анализ предметов конской упряжи способствуют решению общих и частных проблем археологии скифского времени, могут дать импульс новым полевым исследованиям и аналитическим разработкам.

На памятниках указанного периода южных районов Восточного Казахстана археологические раскопки не производились. Первые сведения об археологических памятниках данного региона относятся к XIX в. [Радлов, 1989, с. 434]. В начале 1950-х гг. С.С. Черниковым обследовалась эта территория, результатом чего стало создание первой археологической карты Семипалатинской области [Черников, 1951, с. 144–150]. Однако южные районы Восточного Казахстана все еще представляли собой «белое пятно». Основная информация о памятниках юга Восточного Казахстана поступала в результате аварийно-спасательных раскопок и нахождения случайных предметов. Считаю важным отметить случайную находку близ ст. Ушбийк — детали узды и седельного комплекса, имевшие черты раннесакского времени. Вещи датируются V в. до н.э. [Арсланова, 1981, с. 54].

Случайные находки бронзовых вещей были сделаны в ходе сельскохозяйственных работ в 30 км от вышеуказанного с. Баршатас. Все предметы были переданы в Центральный государственный музей Казахстана, в настоящее время они экспонируются там. Судя по бронзовым деталям конская сбруя и воинский пояс, скорее всего, происходят из раннесакского погребения [Акишев, 1973, с. 45; Членова, 1993, с. 14]. Далее приводится описание случайных находок и круг аналогов им.

¹ Точное местонахождение неизвестно. Село Баршатас Аягузского района Восточно-Казахстанской области (бывш. Семипалатинская обл.) расположено на южном склоне хр. Акшатау в восточной части Казахского мелкосопочника.

Описание находок

Петельчатая бронзовая *поясная обойма* (рис. 1, 1) овальной формы, длиной 3,2 см, из плоской пластины шириной около 1 см, представленная двумя обломками. По типологии А.Д. Таирова [2004, с. 140], этот тип поясных обойм относится к первой из двух выделенных групп: металлические обоймы прямоугольной формы с лицевой поверхностью различных форм — с одной или двумя петлевидными выступами, с тыльной стороной плоской или с прорезью. Наиболее схожие однопетельчатые воинские поясные обоймы происходят из кургана № 1 могильника Нурмамбет-4 Центрального Казахстана [Кадырбаев, 1966, с. 346, рис. 39] и кургана № 6 могильника Кызык-Телань-1 Горного Алтая [Суразаков, Тишкин, 2007, с. 49–55, рис. 34], а также из Варненской курганной группы Южного Зауралья [Таиров, 2004, с. 141, рис. 1]. По типологии С.С. Иванова, основанной на материалах Памира, Жетысу, а также Центрального Казахстана, подобный тип воинских поясов относится к простым [2009, с. 66]. В петельки на обоймах пояса, по мнению ряда авторов, продевался тонкий ремешок, концы которого служили завязками пояса [Горелик, 1987, с. 165; Шульга, 2007, с. 29–32, рис. 3]. Функциональное назначение срединных ремешков в раннесакское время до конца не ясно. Они могли применяться для подвешивания легких предметов [Шульга, 2008, с. 116; Иванов, 2009, с. 68], а также в качестве дополнительных или основных завязок пояса. Также существует вопрос о наличии двух поясов — обычного и воинского [Шульга, 2008, с. 104]. Последний, по всей вероятности, носился поверх одежды и украшался различными обоймами и бляшками. Однако ясно, что бронзовые обоймы с петельками в раннесакских воинских поясах имели конкретное функциональное назначение. Вышеназванные памятники датируются в рамках VII–VI вв. до н.э. [Кадырбаев, 1966, с. 386; Суразаков, Тишкин, 2007, с. 51].

Поясная бляшка овальной формы с выпуклой лицевой частью (рис. 1, 2). На оборотной стороне имеются два шпенька для крепления. Размеры: длина 2,45 см, ширина 1,56 см, высота со штырьками 0,83 см, высота без штырьков 0,52 см. Точное применение данного предмета не ясно. Вероятно, она использовалась в качестве декора на воинском поясе (?). Интересно, что данная деталь не находит аналогов по способу и технике изготовления среди вещей раннесакского времени, однако среди случайных находок из Троицкого района Южного Зауралья есть схожая бляшка в виде головы птицы. На оборотной стороне изделия имеется идентичная петля, выполненная из двух столбиков, перекрытых сверху грибовидной шляпкой [Таиров, Ульянов, 2010, с. 214–215, рис. 2]. Точное место этих находок неизвестно, поэтому невозможно определить, происходят вещи из одного или нескольких комплексов.

Во второй половине прошлого века исследователями скифо-сакского мира была обоснована теория о «единой скифской триаде», широко распространенной в степных и горно-степных регионах Евразийского пояса [Ольховский, 1997, с. 85]. Данные материалы свидетельствуют о своеобразной связи воинского пояса и предметов конского снаряжения в технологии изготовления, а также стилистике, что позволяет говорить о динамичном развитии данных деталей в поисках оптимального функционального варианта конского снаряжения. Основным датирующим материалом являются конское снаряжение и детали поясной гарнитуры, которые можно рассматривать как часть составляемого снаряжением верхового коня и воина единого, одновременно существовавшего сакрального комплекса. Подобные комплексы хорошо проанализированы в монографии П.И. Шульги [2008, с. 106].

Детали узды изучались М.П. Грязновым [1947], М.К. Кадырбаевым [1966, 1968], О.А. Вишневской [1973], Н.А. Боковенко [1981], Л.С. Марсадаловым [1998], П.И. Шульгой [2008] и другими исследователями. Погребение с обузданным и оседланным конем является, по сути, одной из характерных черт погребального обряда раннесакского времени Восточного Казахстана, о чем свидетельствуют многочисленные находки бронзовых деталей конской сбруи. Удила и псалии, будучи главным приспособлением для укрощения коня и управления им, составляют основу всего конского убора. На территории Казахстана, по мнению К.А. Акишева, первые прототипы удил и псалиев появляются вместе или, по крайней мере, вскоре после приручения лошади [1973, с. 53]. Также есть мнение, что на курту-майемерском этапе перед захоронением коня бронзовые удила заменяли куском ремня [Шульга, 2008, с. 27].

Удила бронзовые двусоставные, оба звена соединены двумя кольцами, расположенными на звеньях в перпендикулярных плоскостях (рис. 2, 1). Стержни округлые в сечении. Длина обоих звеньев почти одинакова. Общая длина удил составляет 16,5 см. Внешние концы удил отличаются редкой для Восточного Казахстана подквадратной формой. Внутренний проем внешних

Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана

окончаний трапециевидного очертания, без дополнительного отверстия. Окончания удила имеют своеобразный выступ в качестве фиксатора, который вставлялся при продевании в центральное отверстие псалиев. На грызлах отчетливо фиксируется рифленый орнамент. Внешние края обоих звеньев почти прямые с небольшой выпуклостью. Аналоги этим удилам обнаружены в кургане № 3 могильника Тасмола-5 Центрального Казахстана [Кадырбаев, 1966, с. 330, рис. 24], курганах № 28, 30 могильника Уйгарак [Вишневская, 1973, с. 156–157, табл. 26] и курганах № 36, 44 могильника Южный Тагискен [Итина, Яблонский, 1997, с. 114, 123, рис. 12, 27] в Приаралье, могиле 16 кургана Аржан-2 Тывы [Сигуров et al., 2010, Taf. 127], схожие удила с подквадратными формами внешних концов с дополнительным отверстием без фиксатора найдены в могиле 247 могильника Чауху Синьцзяна [Sin'tsyan..., tub. 39, 1], также известна случайная находка, хранящаяся в Семипалатинском краеведческом музее [Грязнов, 1947, с. 10, рис. 3]. Удила с подпрямоугольными концами распространены вплоть до Северного Кавказа [Эрлих, 2007, с. 259]. Рассматриваемые удила близки к третьему типу подквадратной формы из десяти по классификации П.И. Шульги [2008, с. 70]. Н.Г. Горбунова выделила такие бронзовые удила с подквадратными внешними концами в типы I-3 и I-9 [2001, с. 198, рис. 1]. Датировка подобных удила достаточно широкая, с конца VIII по VI в. до н.э. [Кадырбаев, 1966, с. 386; Вишневская, 1973, с. 103; Горбунова, 2001, с. 190–194].

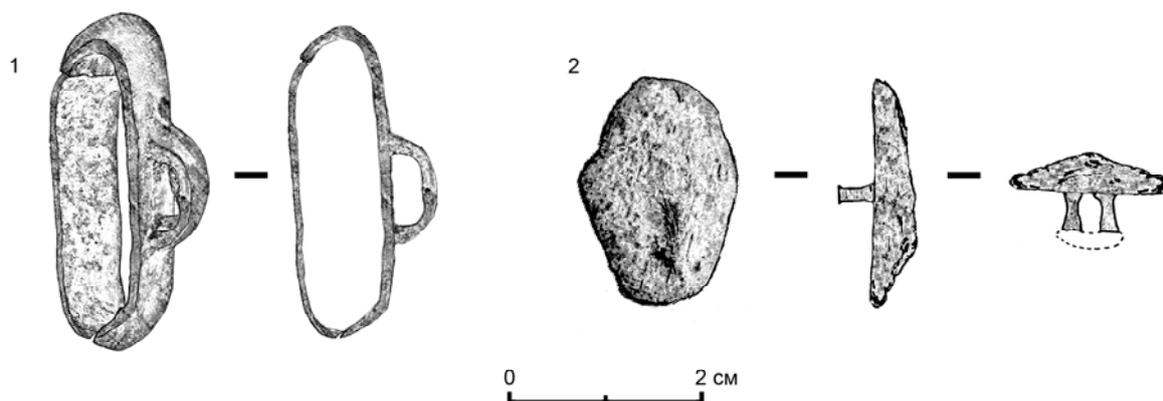

Рис. 1. Детали поясной гарнитуры.

Псалий бронзовый (правый) (рис. 2, 2). Дуговидный, изогнутый по вертикали, длиной примерно 17 см, уплощенный, четырехугольный в сечении, толщиной 0,7 см, шириной в центральной части около 2,1 см, плавно сужается к концам до 1 см, где расположены выступы с отверстием полуовальной формы, которые служили для связки с нащечными ремнями. В центре псалия имеется боковое отверстие продолговатой овальной формы для продевания внешних концов удила. Такие псалии относятся к пятому типу из шести по О.А. Вишневской: удила с прямоугольными окончаниями с фиксатором в виде выступа, препятствовавшим смещению псалиев к середине [Вишневская, 1973, с. 101]. Конец нащечного ремня оголовья при этом раздвигался, и концы его закреплялись в боковых отверстиях. Типологически близки рассматриваемой находки в Южном Приаралье и Центральном Казахстане. Идентичные по конструкции псалии обнаружены в кургане № 30 могильника Уйгарак [Там же, табл. 12, с. 144], кургане 19 могильника Тасмола-1 [Кадырбаев, 1966, с. 316, рис. 7], схожие по окончаниям в виде выступающих полуовальных отверстий псалии зафиксированы в кургане № 2 могильника Майемер-2 Восточного Казахстана. Псалий из майемерского кургана имеет Т-образный шпенек в центральной части [Архив..., рис. 24]. Случайные находки из с. Баршатак на сегодняшний день являются пока единственными в Восточном Казахстане, демонстрирующими способ крепления удила с псалиями. По конструкции их можно отнести к южному типу, так как наибольшая концентрация подобных удила с псалиями известна в Южном Приаралье, они датируются авторами в пределах VII–VI вв. до н.э. [Вишневская, 1973, с. 102]. По классификации Н.Г. Горбуновой такие бронзовые псалии с серединным боковым отверстием представляют типы I-6 и II-26 [2001, с. 198, рис. 1]. До недавнего времени считалось, что центром окончательного формирования подобных типов узды являются южные регионы Казахстана [Кадырбаев, 1966, с. 31; Вишневская, 1973,

с. 102; Членова, 1993, с. 58]. Схожие по способу соединения удил и псалиев вещи обнаружены в могиле 16 кургана Аржан-2 Тывы [Сигуров et al., 2010, Taf. 127]. В данном случае предлагается пересмотреть сложившиеся взгляды, что, несомненно, в той или иной степени может способствовать реконструкции ряда важнейших сторон в жизни населения начального этапа формирования скифо-сакской культуры.

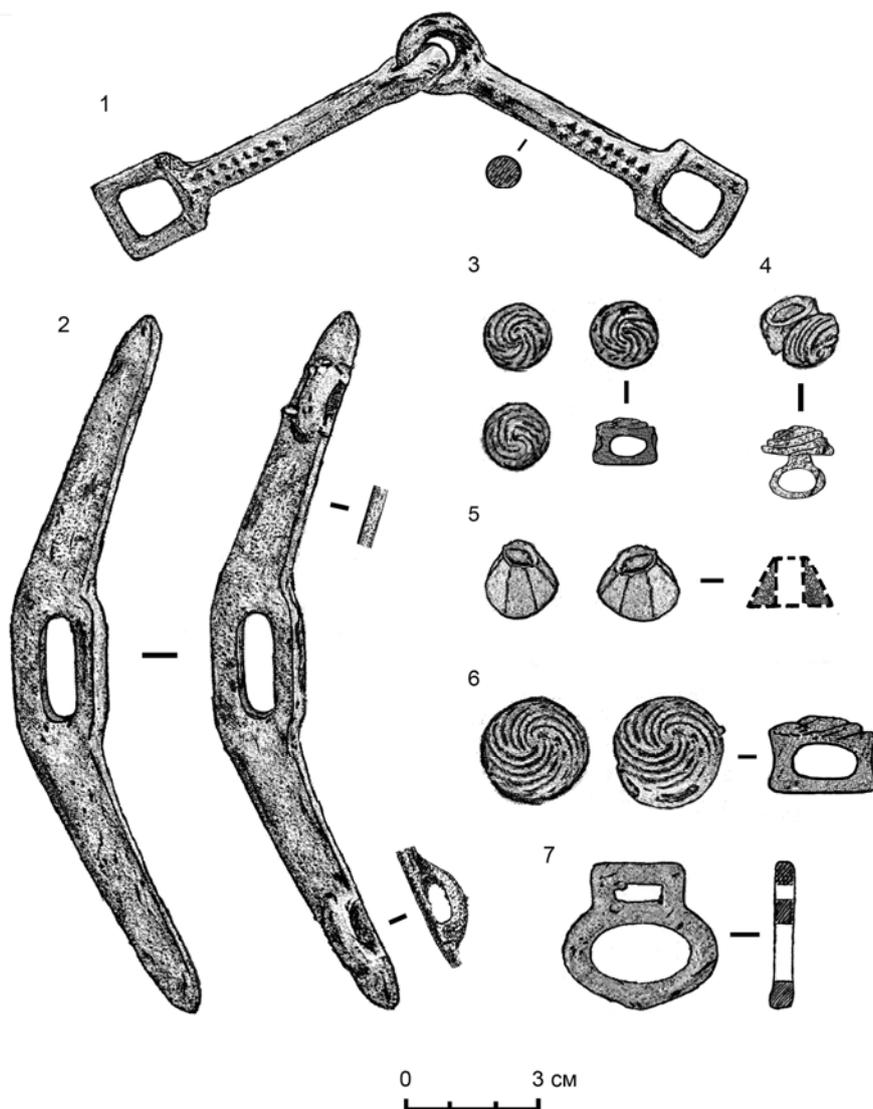

Рис. 2. Детали конского снаряжения.

Три уздечных *распределителя* цилиндрической формы из бронзы с четырьмя отверстиями (рис. 2, 3) для фиксации двух ремней в местах пересечения. Диаметры распределителей почти одинаковы — 1,7×1,8 см, высота около 1,4 см. Лицевая часть округлая в плане, щиток выпуклый, с закручивающимся в спираль трехваликовым орнаментом. Идентичные по орнаменту распределители были зафиксированы в кургане № 47 могильника Уйгарак в Южном Приаралье [Вишневская, 1973, с. 147, табл. 15], подквадратной формы — в могиле № 32 могильника Гилево-10 Горного Алтая, где они найдены в комплекте с У-образными псалиями [Шульга, 2008, с. 249, рис. 57]. В целом комплексы датируются VII–VI вв. до н.э. [Вишневская, 1973, с. 103; Шульга, 2008, с. 152].

В стандартной раннесакской узде ремни пересекались в четырех местах. Соответственно полный набор включал в себя четыре распределителя. Характеризуемые предметы близки к

Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана

первому из двух выделенных П.И. Шульгой типов — так называемых «высокоцилиндрических» [2008, с. 81].

Бронзовая *уздечная застежка* подбородочного ремня в виде округлого колечка (рис. 2, 4) с грибовидным щитком диаметром 1,5 см, украшенным аналогичным вышерассмотренному орнаментом, закрепленным штифтом с овальным кольцом для пронизывания левого короткого подбородочного ремня, общей длиной 1,9 см. Для того чтобы застегнуть подбородник, шляпка застежки пропусклась в прорезь или петлю на конце правого подбородочного ремня. Аналогичные застежки встречены в кургане № 47 могильника Уйгарак в Южном Приаралье [Вишневская, 1973, с. 147, табл. 15] и могиле № 32 могильника Гилево-10 Горного Алтая [Шульга, 2008, с. 249, рис. 57]. Памятники датируются VII–VI вв. до н.э. [Вишневская, 2008, с. 103; Шульга, 2008, с. 152].

По типологии П.И. Шульги вышеописанная застежка подбородочного ремня относится к первому — более распространенному варианту в виде круглого кольца со шляпкой на шпенье [Шульга, 2008, с. 83]. Более ранние застежки, как известно, оформлялись рельефными изображениями, фигурками или иногда в виде различных животных, птиц и т.п. Подобные застежки бытуют в рамках VIII–VI в. до н.э. [Иванов, Бообек уулу, 2014, с. 147]. В последующее, пазырыкское время застежка осуществлялась посредством ременной связки, а многочисленные бляхи стали украшением и прикрывали узлы [Самашев, 2011, с. 151].

Две *ворворки* суголовных или холочных ремней (рис. 2, 5). Размеры: высота 1,5 см, диаметр по основанию 2,1 см, по верху около 1 см. Стенки полые, семигранные, толщиной примерно 1,3 мм. Использовались в качестве своеобразных пуговиц на длинном ремешке в уздечных и поясных комплектах раннесакского времени. Схожие ворворки были обнаружены в кургане № 3 могильника Тасмола-5 [Кадырбаев, 1966, с. 330], кургане № 30 могильника Уйгарак [Вишневская, 1973, с. 144, табл. 12], кургане № 21 могильника Кондратьевка [Алехин, Шульга, 2003, с. 62–70, рис. 2]. Ворворки из с. Баршатак относятся ко второму типу из четырех выделенных П.И. Шульгой [2008, с. 85] и датируются в рамках VII–VI вв. до н.э. [Кадырбаев, 1966, с. 388; Вишневская, 1973, с. 103; Алехин, Шульга, 2003, с. 62–70]. Стоит отметить, что ворворки не могут служить для определения хронологии, так как бытовали все скифо-сакское время и употреблялись не только в конском снаряжении, но и в воинских поясах.

Детали седельных ремней и собственно седло довольно подробно рассмотрены в монографии П.И. Шульги [2008, с. 93–103]. На территории Восточного Казахстана относящиеся к раннесакскому времени полные, в «рабочем» положении комплекты седельных принадлежностей пока не обнаружены. В погребениях фиксируются лишь отдельные детали или случайные находки и клады, принадлежащие к седельному комплексу.

Два *нагрудных распределителя* ремней (рис. 2, б) из бронзы уплощенной цилиндрической формы с четырьмя отверстиями для фиксации двух ремней в местах пересечения с холочными ремнями. Диаметр распределителей одинаков — 2,52×2,5 см, высота около 1,4 см. Имеют аналогичный уздечным, в лицевой части округлый в плане щиток, выпуклый, с закручивающимся в спираль трехваликовым орнаментом, олицетворяющим солярный символ. Функционально он препятствовал сползанию седла. В сравнении с уздечными распределителями нагрузка на эти детали была более значительной, что объясняет их крупные размеры на нагрудных ремнях. По классификации П.И. Шульги подобные уплощенные цилиндрические нагрудные распределители относятся ко второму типу из трех [2008, с. 94]. Аналоги этим распределителям обнаружены в кургане № 47 могильника Уйгарак [Вишневская, 1973, с. 147, табл. 15] и, подквадратной формы, в могиле № 32 могильника Гилево-10, в комплекте с У-образными псалями [Шульга, 2008, с. 249, рис. 57]. Памятники датируются VII–VI вв. до н.э. [Вишневская, 1973, с. 103; Шульга, 2008, с. 152].

Подпружная пряжка-блок в виде овального кольца, арочная в сечении, с прямоугольной рамкой (рис. 2, 7). Размер 3,3×3 см, толщина стержня около 0,5 см. Среди раннесакских седельных предметов конского снаряжения Восточного Казахстана, как правило, подпружные пряжки встречаются в паре с подпружными блоками, через которые пропускается левый конец подпружного ремня, а подпружная пряжка со шпеньком выступает в качестве фиксатора требуемого натяжения подпруги. По типологии П.И. Шульги найденная пряжка-блок близка ко второму варианту первого типа [2008, с. 96]. Пряжки и блоки такого типа были широко распространены на всей территории скифо-сако-сибирского ареала в VII–VI вв. до н.э. Ближайшие аналоги известны в кургане № 6 могильника Тасмола-5 [Кадырбаев, 1966, с. 132, рис. 26], Камышинском

комплексе [Арсланова, 1972, с. 255, рис. 1] и могильнике Измайловка [Ермолаева, 2012, с. 188, рис. 58] Казахского Алтая, кургане № 47 могильника Уйгарак [Вишневская, 1973, с. 147, табл. 15].

Фрагмент *сбруйной бляшки* (рис. 3). Лицевая сторона в виде рельефно стилизованной головы птицы или животного (?), повернутой влево. На тыльной стороне имеется прямоугольная петля из плоской пластинки для продевания ремня. Размеры обломка 3×2,1 см. На изображении отчетливо видны левое ухо и переданный рельефной окружностью левый глаз. Верхняя часть (восковица) оформлена в виде рельефно выступающего валика. По обломанному фрагменту сложно определить, какое именно существо было изображено. Также пока не ясно функциональное назначение данной детали в сбруе верховой лошади. Однако можно предположить ее использование в качестве нагрудной застежки. Подобный стилистический прием изображения находит аналогии в сбруйных подвесках Алтая, Восточного Казахстана и Тывы [Шульга, 2008, с. 252, рис. 60].

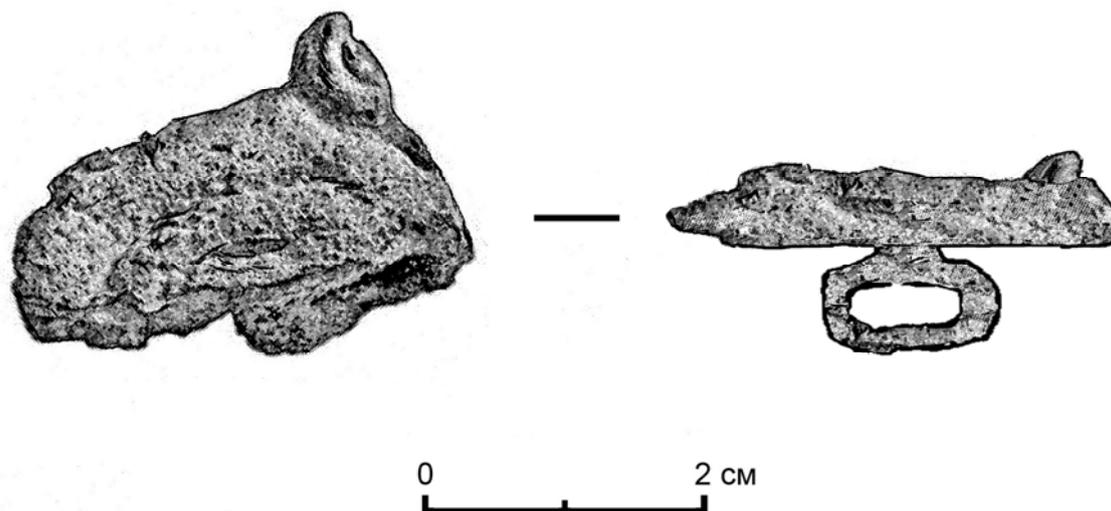

Рис. 3. Бляшка-застежка.

Культурно-хронологический анализ случайных находок

Раннесакское время на территории Восточного Казахстана изучено сравнительно слабо, как уже отмечалось выше. В данном случае, используя сравнительно-типологический анализ, мы попытались выяснить культурно-хронологический контекст случайных находок и сделать некоторые выводы в отношении атрибутики скифо-сакской культуры в целом.

Описанные выше детали воинского пояса и конского снаряжения, скорее всего, происходят из *одного погребального комплекса*, общее их количество 14. В результате сравнительно-типологического анализа находок из с. Баршатак комплекс был отнесен нами ко второй половине VII — VI в. до н.э.

Говорить о принадлежности памятника к какой-либо культуре сложно, поскольку подобные сбруйные наборы и воинские пояса раннесакского времени территориально широко распространены и являются прототипами комплексов последующих этапов развития культур скифо-сибирского ареала. Однако, учитывая художественно-мифологический стиль оформления предметов: спиральный орнамент и рельефные изображения, можно заключить, что они происходят из сравнительно «богатого» погребения среди зафиксированных на сегодняшний день погребальных комплексов раннесакского времени в Восточном Казахстане.

Исходя из вышесказанного, учитывая элементы оформления деталей почти идентичных тасмолинской и майемерской культур, говорить о четких границах культур раннесакского времени невозможно. Еще в 1960-х гг. М.К. Кадырбаев писал, что существуют некоторые параллели и близость в развитии данных культур [1966, с. 70]. Однако следует отметить, что рассмотренные случайные находки представляют особый интерес, поскольку приведенные выше аналогии деталям уздечного набора выявляют особый характер связей южных — сакских племен с населением Горного Алтая, Тывы и Синьцзяна. Восточная часть Центрального и южные регионы Восточного Казахстана были своеобразным связующим звеном между этими территориями.

Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана

Об этом свидетельствуют находки последних лет в могильнике Талды-2 Центрального Казахстана, который был одним из центральных очагов начальной фазы раннесакской культуры [Бейсенов, 2013, с. 16]. Многие другие памятники на территории Казахстана, которые маркируют начальный этап формирования сакских культур, относятся к эпохе бронзы [Акишев, 1973, с. 55; Акишев К.А., Акишев А.К., 1978, с. 59]. Также, по мнению В.Р. Эрлиха, появление южного типа узды на территориях Северного Кавказа обусловлено значительным влиянием раннесакских племен Казахстана (однако не исключается и вариант, что подобные типы формируются на данной территории) [2007, с. 259]. В свете данной тематики требует изучения распространение казахстанских раннесакских культурных импульсов на эти регионы, где они не представляли целостный комплекс. Известно, что территория Северного Кавказа, имевшая металлургические центры, оказывала огромное воздействие на сопредельные регионы [Иессен, 1953, с. 105–106].

Вместе с тем в развитии раннесакского конского снаряжения Восточного и Центрального Казахстана значительную роль играли культуры Синьцзяна и Северного Китая [Шульга, 2010, с. 23]. В данном случае опрометчиво говорить о мощной или поэтапной миграции массового населения с востока на запад в начале формирования раннесакской культуры [Таиров, 2007, с. 62], поскольку достоверных данных об исходе населения из Северного Китая в IX–VII вв. до н.э. пока нет [Шульга, 2010, с. 22–23]. Тем более, по мнению Л.Р. Кызласова, появление комплекса Аржан-1 вообще связано с миграцией сакских племен с территории Казахстана [1977, с. 76]. По последним публикациям, курган Аржан-1 датируется концом IX в. до н.э. [Алексеев и др., 2005, с. 68]. В этом отношении вполне достоверно заключения М.Н. Погребовой, что происхождение тех или иных феноменов скифской культуры исходя из близости отдельных традиций, без подкрепления другими источниками, нельзя связывать только с миграционными процессами [2006, с. 181]. Несомненно, что раннекочевнические культуры Казахстана, Саяно-Алтая, Тывы и Синьцзяна были тесно взаимосвязаны между собой и приняли определенное участие в формировании скифо-сакской культурной общности в целом. Говорить же о государственности раннекочевнических племен пока рано, поскольку поиски и раскопки поселенческих комплексов в регионе еще не производились. Так или иначе, ясно, что кочевники появились на исторической арене как общество, находящееся на уровне военной демократии, уже с далеко зашедшим имущественным и социальным неравенством и рабовладельческим укладом, но еще с окончательно не сложившимися классовыми отношениями и с недостаточно развитой надстройкой, в частности протогосударством.

К проблеме преемственности культур

Известно, что в эпоху ранних кочевников территория Восточного Казахстана являлась контактной зоной для населения сопредельных регионов. Важно отметить, что на территории Восточного Казахстана памятники раннепазырыкского времени со всеми специфическими характеристиками и признаками пока не известны. Возможно, это связано с определенными климатическими факторами переходного времени [Быков, Быкова, 2007, с. 7]. Однако стоит обратить внимание на упомянутую выше случайную находку бронзовых деталей конской сбруи на ст. Ушбийк. Во внешние овальные кольца бронзовых удилов продевались двудырчатые бронзовые псалии, окончания которых оформлены в виде голов грифона. Среди бронзовых вещей присутствовали другие детали узды и седельного комплекса, в которых также прослеживаются черты раннесакского времени [Арсланова, 1981, с. 55]. Как известно, эволюция конского снаряжения VIII–III вв. до н.э. характеризуется динамичностью [Боковенко, 1993, с. 172–176; 2011, с. 132–133]. Культурная преемственность между раннесакским и сакским временем достаточно ярко проявляется в погребальных памятниках. В кургане № 2 могильника Майемер-2 на предметах конского снаряжения встречаются детали в виде клювовидных головок грифонов [Архив..., рис. 25] — основной признак культуры пазырыкского времени [Грязнов, 1950; Руденко, 1953; Черников, 1975; Самашев, 2011]. Однако, кроме случайных находок и кладов², памятников, относящихся к переходному времени, пока не обнаружено. Таким образом, остается открытым вопрос хронологического «разрыва» между раннесакским и классическим пазырыкским временем на территории Восточного Казахстана, Южного Алтая в целом. В решении данного вопроса важную роль играет изучение снаряжения верхового коня, которое представляет собой конструкцию, отражающую в концентрированном виде важные стороны материальной культуры. Его исследование существ-

² Данные материалы пока не опубликованы.

венно для определения хронологических рамок и синхронизации раннекочевнических памятников IX–III вв. до н.э.

Заключение

На сегодняшний день, несмотря на множество исследованных могильников, южные регионы Восточного Казахстана не изучены в достаточной степени для того, чтобы дать значительные материалы по культуре и искусству ранних кочевников. В связи с этим в 2012–2014 гг. сотрудниками Филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана были проведены разведочные работы в данном регионе Восточно-Казахстанской области. В ходе работ были обнаружены новые археологические памятники, относящиеся к разным эпохам. Исследования данного региона запланированы на ближайшее будущее, они более чем актуальны и необходимы, учитывая крайне малую изученность данной территории и региона в целом.

Возвращаясь к вопросу об истоках раннего этапа «скифо-сакской триады» и ее развития на всем пространстве евразийского культурного континуума, следует отметить, что он весьма сложен и требует тщательного сравнительного изучения всех материалов. Пока можно констатировать, что происхождение в раннесакское время отдельных составляющих и множества элементов материальной культуры является результатом обширного культурного обмена на огромной территории Евразийского степного пояса в начале I тыс. до н.э.

В свете изложенного следует обратить внимание на имеющиеся материалы, которые, несомненно, в той или иной степени могут способствовать реконструкции ряда важнейших сторон жизни населения начального этапа раннесакской культуры. Рассмотренный в данной работе предметный комплекс характеризуется значительной оригинальностью и позволяет в какой-то мере определить культурные границы племен сакского круга, близких к населению сопредельных регионов скифского мира.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Архив ИА КН МОН РК. Промежуточный отчет о научно-исследовательской работе в Восточном Казахстане за 2009 г. Ф. 11. Оп. 2. Д. 2285. 62 с.

Литература

Акишев К.А. Саки азиатские и скифы европейские: (Общее и особенное в культуре) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: Наука КазССР, 1973. С. 43–58.

Акишев К.А., Акишев А.К. Проблема хронологии раннего этапа сакской культуры // Археологические памятники Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1978. С. 38–64.

Алексеев А.Ю., Боковенко Н.А., Васильев С.С., Дергачев В.А., Зайцева Г.И., Ковалюх Н.Н., Кук Г., ван дер Плихт Й., Поснерт Г., Семенов А.А., Скотт Е.М., Чукунов К.В. Евразия в скифскую эпоху: Радиоуглеродная и археологическая хронология. СПб., 2005. 290 с.

Алехин Ю.П., Шульга П.И. Курган Кондратьевка XXI — новый памятник раннескифского времени на Рудном Алтае // Древности Алтая. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2003. Вып. 10. С. 62–70.

Арсланова Ф.Х. Новые материалы VII–VI вв. до н.э. из Восточного Казахстана // СА. 1972. № 1. С. 253–258.

Арсланова Ф.Х. Случайная находка бронзовых вещей в Семипалатинском Прииртышье // КСИА. 1981. № 167. С. 54–58.

Бейсенов А.З. Предметы искусства ранних саков Сарыарки как свидетельства взаимодействия культуры // Вестн. КемГУ. 2013. № 3 (55). С. 13–17.

Боковенко Н.А. Динамика развития конской сбруи в скифское время на Алтае: (К проблеме цикличности инновации) // Преемственность и инновации в развитии древних культур. Л.: Наука, 1981. С. 55–57.

Боковенко Н.А. Транссибирские трассы кочевников в системе культурной интеграции народов Евразии // Проблемы культурогенеза и культурное наследие. СПб., 1993. Ч. 2. С. 172–176.

Боковенко Н.А. Тенденции развития элитного погребального обряда кочевников Центральной Азии в I тыс. до н.э.: Аржан, Пазырык, Ноин-Ула // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Вел. Новгород: Изд-во ИИМК РАН, 2011. С. 132–133.

Быков Н.И., Быкова Н.А. Колебания климата и смена материальных культур на Алтае // Саяно-Алтайская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2007. С. 6–7.

Вишневская О.А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII–V вв. до н.э. (по материалам Уйгарака). М.: Наука, 1973. Т. 8. 160 с.

Горбунова Н.Г. Конская упряжь ранних саков Центральной Азии (Средняя Азия и Казахстан, кроме Западного) // Древние цивилизации Евразии: История и культура. М.: Вост. лит., 2001. С. 179–200.

Горелик М.В. Ранний монгольский доспех (IX — первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. Новосибирск: Наука, 1987. С. 163–208.

Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана

- Грязнов М.П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае // КСИИМК. 1947. Вып. 18. С. 9–17.
- Грязнов М.П.* Первый Пазырыкский курган. Л.: Изд-во ГЭ, 1950. 92 с.
- Ермолаева А.С.* Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы — ранее железо). Алматы: Изд-во Ин-та археологии им. А.Х. Маргулана, 2012. 238 с.
- Иванов С.С.* Боевые пояса ранних кочевников Центральной Азии // Материалы и исследования по археологии Кыргызстана. Бишкек: Илим, 2009. Вып. 4. С. 66–76.
- Иванов С.С., Бообек уулу Б.* Новый клад раннесакского времени из Кочкорской долины (Центральный Тянь-Шань) // Всадники Великой степи: Традиции и новации. Астана: Издат. группа ФИАА им. А.Х. Маргулана, 2014. С. 143–149.
- Иессен А.А.* К вопросу о памятниках VIII–VII вв. до н.э. на юге европейской части СССР: (Новочеркасский клад 1939 г.) // СА. 1953. Т. 18. С. 49–111.
- Итина М.А., Яблонский Л.Т.* Саки Нижней Сырдарьи (по материалам могильника Южный Тагискен). М.: Рос. полит. энцикл., 1997. 187 с.
- Кадырбаев М.К.* Памятники тасмолинской культуры // Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1966. С. 303–433.
- Кадырбаев М.К.* Некоторые итоги и перспективы изучения археологии раннежелезного века Казахстана // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Наука КазССР, 1968. С. 21–36.
- Культура ранних кочевников Казахстана.* Археологические коллекции / Под ред. Н. Алимбай, А.К. Акишева. Алматы: Изд-во Центр. гос. музея Респ. Казахстан, 2009. 430 с.
- Кызласов Л.Р.* Уюкский курган Аржан и вопрос происхождения сакской культуры // СА. 1977. № 2. С. 69–86.
- Марсадолов Л.С.* Основные тенденции в изменении форм удил, псалиев и пряжек коня на Алтае в VIII–V вв. до н.э. // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1998. С. 5–24.
- Ольховский В.С.* Скифская триада // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. 1997. № 1. С. 85–96.
- Погребова М.Н.* Центральноазиатская гипотеза происхождения скифской материальной культуры и скифского этноса // Древности скифской эпохи. 2006. № 7. С. 172–193.
- Радлов В.В.* Из Сибири: Страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. 402 с.
- Самашев З.* Берел. Астана: Таймас, 2011. 236 с.
- Суразаков А.С., Тишкин А.А.* Археологический комплекс Кызык-Телань-1 в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул: Азбука, 2007. 232 с.
- Таиров А.Д.* Раннесакские боевые пояса // РА. 2004. Вып. 1. С. 140–145.
- Таиров А.Д.* Кочевники Урало-Казахстанских степей в VII–VI вв. до н.э. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. 274 с.
- Таиров А.Д., Ульянов И.В.* Случайные находки предметов раннего железного века на Южном Урале // Гороховские чтения: Материалы первой регион. музейн. конф. Челябинск: Проспект, 2010. С. 210–216.
- Черников С.С.* Восточноказахстанская экспедиция // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 144–150.
- Черников С.С.* К вопросу о хронологических периодах в эпоху ранних кочевников (по археологическим материалам Восточного Казахстана) // Первобытная археология Сибири. Л.: Наука, 1975. С. 132–137.
- Членова Н.Л.* О степени сходства компонентов материальной культуры в пределах «Скифского мира» // Петерб. археол. вестн. СПб.: Фарн, 1993. № 7. С. 49–75.
- Шульга П.И.* О конструкции раннескифских поясов с Алтая и прилегающих территории // Алтае-Саянская страна и соседние территории в древности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. С. 27–40.
- Шульга П.И.* Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул: Азбука, 2008. 276 с.
- Шульга П.И.* Синьцзянь в VIII–III вв. до н.э.: (Погребальные комплексы, хронология и периодизация). Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2010. 238 с.
- Эрлих В.Р.* Северо-Западный Кавказ в начале железного века: Протомеотская группа памятников. М.: Наука, 2007. 430 с.
- Çugunov K.V., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 S.
- Sin'tsyau ven'yu kaogu yan'tszyuso: «Sin'tsyau chau yui hu» dunfan chubanshe / Wang Ming zhe (ed.).* 1999, tuban san'tsyu, 1. (新疆文物考古研究所: 《新疆察吾呼》, 东方出版社, 1999 图版三九, 1).

OCCASIONAL FINDINGS OF BRONZE ITEMS OF THE EARLY SCYTHIAN TIME IN EAST KAZAKHSTAN

Aim. Over the past decade some significant findings supplemented model Scythian-Saka items of the complex of artifacts from the funerary monuments of early Scythian culture of the VII–VI centuries BC. In the present paper, we examine occasional findings of bronze objects of military belt fittings and parts of horse harness of the early stage of Saka culture found in East Kazakhstan. The primary task of this article is to determine cultural and chronological attribution of the occasional findings found near Barshatas, East Kazakhstan. *Results.* The chronological and cultural attributes of the materials are determined on the basis of a comparative typological analysis and developed characteristics of the early Saka culture. Some findings are dated back to the beginning of the VII–VI c. BC. Basing on the foregoing and considering the design of elements of almost identical Tasmolyn and Mayamer cultures, it is impossible to talk about the precise boundaries of the early Saka time cultures. Talking about the monument, its belonging to any culture is difficult to define. Similar harness kits and military belts of the early Saka time were found in the large part of the Scythian-Saka-Siberian area. At later stages of development they became a prototype. However, judging by the random findings, which have artistic and mythological decorations in the form of a spiral ornament and relief images on the details, we can conclude that they originate from relatively «rich» burials among the funerary complexes of the early Saka time known in East Kazakhstan until now. *Conclusion.* East Kazakhstan region is a kind of center of various cultures of the Scythian-Saka-Siberian world. They were very closely linked there. Therefore, it opens up new horizons in the study of the key attributes of the Scythian-Saka archeology in relation to a problem of the optimal arrangement of the funerary monuments of the time, and to the search for intercultural relations with other time-synchronous ethnic groups.

Key words: East Kazakhstan, archaeological culture, Scythian-Saka-Siberian cultural area, Scythian-Saka epoch, Early Nomads, horse harness.

DOI: 10.20874/2071-0437-2016-33-2-041-052

REFERENCES

- Akishev K.A., 1973. Saki aziatskie i skify evropeiskie (obshchee i osobennoe v kul'ture) [Asian Saks and European Scythians: (The general and special in culture)]. *Arkheologicheskie issledovaniya v Kazakhstane*, Alma-Ata: Nauka KazSSR, pp. 43–58.
- Akishev K.A., Akishev A.K., 1978. Problema khronologii rannego etapa saskoi kul'tury [Problem of chronology of the early stage of Saka culture]. *Arkheologicheskie pamyatniki Kazakhstana*, Alma-Ata: Nauka KazSSR, pp. 38–64.
- Alekseev A.Yu., Bokovenko N.A., Vasil'ev S.S., Dergachev V.A., Zaitseva G.I., Kovalyukh N.N., Kuk G., van der Plikt, Possnert G., Sementsov A.A., Skott E.M., Chugunov K.V., 2005. *Evrasiya v skifskuyu epokhu: Radio-uglerodnaya i arkheologicheskaya khronologiya* [Eurasia during the Scythian era: Radiocarbon and archaeological chronology], St. Petersburg, 290 p.
- Alekhin Yu.P., Shulga P.I., 2003. Kurgan Kondrat'evka XXI — novyi pamyatnik ranneskifskogo vremeni na Rudnom Altae [Burial Mound Kondratevka XXI — a new monument of the early Scythian epoch in Rudnyi Altai]. *Drevnosti Altaya*, Gorno-Altaysk, no. 10, pp. 62–70.
- Alimbai N., Akishev A.K., 2009, (ed.). *Kul'tura rannikh kochevnikov Kazakhstana: Arkheologicheskie kolleksii* [Culture of early nomads of Kazakhstan: Archaeological collections], Almaty: Tsentral'nyi gosudarstvennyi muzei Respubliki Kazakhstan, 430 p.
- Arslanova F.Kh., 1972. Novye materialy VII–VI vv. do n.e. iz Vostochnogo Kazakhstana [New data of the VII–VI centuries BC from Eastern Kazakhstan]. *Sovetskaya arkheologiya*, no. 1, pp. 253–258.
- Arslanova F.Kh., 1981. Sluchainaya nakhodka bronzovykh veshchei v Semipalatinskom Priirtysh'e [Accidental findings of bronze items in Irtysh region of Semipalatinsk]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii AN SSSR*, 163, pp. 54–58.
- Beisenov A.Z., 2013. Predmety iskusstva rannikh sakov Saryarki kak svidetel'stva vzaimodeistviya kul'tur [Objects of art of early Saryarka Saks as evidence of interaction of cultures]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 3 (55), pp. 13–17.
- Bokovenko N.A., 1981. Dinamika razvitiya konskoi sbrui v skifskoe vremya na Altae: (K probleme tsiklichnosti innovatsii) [Dynamics of development of a horse harness in the Scythian epoch in Altai: (Problem of recurrence of an innovation)]. *Preemstvennost' i innovatsii v razviti drevnikh kul'tur*, Leningrad: Nauka, pp. 55–57.
- Bokovenko N.A., 1993. Transsibirskie trassy nomadov v sisteme kul'turnoi integratsii narodov Evrazii [The Trans-Siberian routes of nomads in the system of cultural integration of the people of Eurasia]. *Problemy kil'turogeneza i kul'turnoe nasledie*, St. Petersburg, part 2, pp. 172–176.

Случайные находки бронзовых вещей раннесакского времени из Восточного Казахстана

Bokovenko N.A., 2011. Tendentsii razvitiya elitnogo pogrebal'nogo obryada nomadov Tsentral'noi Azii v I tys. do n.e.: Arzhan, Pazyryk, Noin-Ula [Tendencies of development of an elite funeral ceremony of the nomads of Central Asia in the I millennium BC: Arzhan, Pazyryk, Noin-Ula]. *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkhelogicheskogo s'ezda*, St. Petersburg; Moscow; Velikii Novgorod, pp. 132–133.

Bykov N.I., Bykova N.A., 2007. Kolebaniya klimata i smena material'nykh kul'tur na Altae [Climate fluctuations and change of material cultures in Altai]. *Sayano-Altayskaya gornaya strana i istoriya osvoeniya ee kochevnikami*, Barnaul: Izdatelstvo AltGU, pp. 6–7.

Chernikov S.S., 1951. Vostochnokazakhstanskaya ekspeditsiya [East Kazakhstan expedition]. *KSIIIMK*, 37, p. 144–150.

Chernikov S.S., 1975. K voprosu o khronologicheskikh periodakh v epokhu rannikh kochevnikov (po arkhelogicheskim materialam Vostochnogo Kazakhstana) [Revisiting chronological periods during the era of early nomads (according to archaeological materials of East Kazakhstan)]. *Pervobytnaya arkheologiya Sibiri*, Leningrad: Nauka, pp. 132–137.

Chlenova N.L., 1993. O stepeni skhodstva komponentov material'noi kul'tury v predelakh «Skifskogo mira» [On the degree of similarity of components of material culture within the «Scythian world»]. *Peterburgskii arkhelogicheskii vestnik*, no. 7, St. Petersburg: Farn, p. 49–75.

Chugunov K.V., Parzinger H., Nagler A., 2010. Der skythenzeitliche Fürstengurgan Aržan 2 in Tuva. *Archäologie in Eurasien 26. Steppenvölker Eurasiens 3*, Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 330 S.

Gorbunova N.G., 2001. Konskaya upryazh' rannikh sakov Tsentral'noi Azii (Srednyaya Azia i Kazakhstan, krome Zapadnogo) [Horse harness of the early Saks of Central Asia (Central Asia and Kazakhstan, except Western Kazakhstan)]. *Drevnie tsivilizatsii Evrazii. Istoriya i kultura*, Moscow: Vostochnaya literatura, pp. 179–200.

Gorelik M.V., 1987. Rannii mongol'skii dospek (IX — pervaya polovina XIV v.) [Early Mongolian armor (IX — the first half of the XIV century)]. *Arkheologiya, etnographiya i antropologiya Mongolii*, Novosibirsk, Nauka, pp. 163–208.

Gryaznov M.P., 1947. Pamyatniki maiemirskogo etapa epokhi rannikh kochevnikov na Altae [Objects of Mayemir stage of the epoch of early nomads in Altai]. *KSIIIMK*, 18, pp. 9–17.

Gryaznov M.P., 1950. Pervyi Pazyrykskii kurgan [First Pazyryksky Burial Mound], Leningrad: Gosudarstvennyi Ermitazh, 92 p.

Ermolaeva A.S., 2012. *Pamyatniki predgornoi zony Kazakhskogo Altaya (epokha bronzy — rannee zhelezo)* [Monuments of the piedmont zone of Kazakh Altai (Bronze Age — Early Iron)], Almaty, 238 p.

Ivanov S.S., 2009. Boevye poyasa rannikh kochevnikov Tsentral'noi Azii [Fighting belts of early nomads of Central Asia]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii Kyrgyzstana*, 4, Bishkek: Ilim, pp. 66–76.

Ivanov S.S., Boobek uulu B., 2014. Novyi klad rannesakskogo vremeni iz Kochkorskoj doliny (Tsentral'nyi Tyan'-Shan') [New treasure of the Early Saka time from the Kochkorsky valley (the Central Tien Shan)]. *Vsadniki Velikoi stepi: Traditsii i novatsii*, Astana: Izdatelskaya gruppa Filiala Istituta arheologii im. A.H. Margulana v Astane, pp. 143–149.

Iessen A.A., 1953. K voprosu o pamyatnikakh VIII–VII vv. do n.e. na yuge evropeiskoi chasti SSSR: (Novocherkasskii klad 1939 g.) [Revisiting the monuments of the VIII–VII centuries BC in the south of the European part of the USSR: (A Novocherkassk treasure of 1939)]. *Sovetskaia arkheologiya*, vol. 18, pp. 49–111.

Itina M.A., Yablonskii L.T., 1997. *Saki Nizhnei Syrdar'i (po materialam mogil'nika Yuzhnyi Tagisken)* [Saksa of the Lower Syr-Darya (according to the materials of the burial ground Southern Tagisken)], Moscow: Rossiyskaya politicheskaya encyclopedia, 187 p.

Kadyrbaev M.K., 1966. Pamyatniki tasmolinskoj kul'tury [Monuments of Tasmolinsky culture]. *Drevnyaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana*, Alma-Ata: Nauka KazSSR, pp. 303–433.

Kadyrbaev M.K., 1968. Nekotorye itogi i perspektivy izucheniya arkheologii rannezheleznogo veka Kazakhstana [Some results and prospects of studying of archaeology of the early Iron Age of Kazakhstan]. *Novoe v arkheologii Kazakhstana*, Alma-Ata: Nauka KazSSR, pp. 21–36.

Kyzlasov L.R., 1977. Uyukskii kurgan Arzhan i vopros proiskhozhdeniya sakskoj kul'tury [Uyuksky burial mound Arzhan and the question of origin of Saka culture]. *Sovetskaia arkheologiya*, no. 2, pp. 69–86.

Marsadolov L.S., 1998. Osnovnye tendentsii v izmenenii form udil, psaliev i pryazhek konya na Altae v VIII–V vv. do n.e. [Major trends in forms of mouthpiece, cheek-piece and buckles of a horse in Altai in the VIII–V c. BC.]. *Snaryazhenie verkhovogo konya na Altae v rannem zheleznom veke i Srednevekov'e*, Barnaul: Izdatelstvo AltGU, pp. 5–24.

Ol'khovskii V.S., 1997. Skifskaya triada [Scythian triad]. *Pamyatniki predskifskogo i skifskogo vremeni na yuge Vostochnoi Evropy*, no. 1, pp. 85–96.

Pogrebova M.N., 2006. Tsentral'noaziatskaya gipoteza proiskhozhdeniya skifskoi material'noi kul'tury i skifskogo etnosa [Central Asian hypothesis of the origin of Scythian material culture and Scythian ethnos]. *Drevnosti skifskoi epokhi*, no. 7, pp. 172–193.

Radlov V.V., 1989. *Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika* [From Siberia: Pages of a diary], Moscow: Nauka, 749 p.

Rudenko S.I., 1953. *Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya* [Culture of the population of Gorny Altai in the Scythian epoch], Moscow; Leningrad, 402 p.

Samashev Z., 2011. *Berel* [Berel], Almaty: Taimas, 236 p.

Б.Б. Бесетаев

Surazakov A.S., Tishkin A.A., 2007. *Arkheologicheskii kompleks Kyzyk-Telan'-1 v Gornom Altai i rezultaty ego izucheniya* [Archaeological complex Kyzyk-Telan-1 in Gorny Altai and results of its studying], Barnaul: Azbuka, 232 p.

Tairov A.D., 2004. Rannesakskie boevye poyasa [Early Saka fighting belts]. *Rossiiskaia arkheologiya*, no. 1, pp. 140–145.

Tairov A.D., 2007. *Kochevniki Uralo-Kazakhstanskikh stepei v VII–VI vv. do n.e.* [Nomads of the steppes of Ural and Kazakhstan in the VII–VI centuries BC], Chelyabinsk, 274 p.

Tairov A.D., Ul'yanov I.V., 2010. Sluchainye nakhodki predmetov rannego zheleznogo veka na Yuzhnom Urale [Casual findings of items of the early Iron Age in South Ural]. *Gorokhovskie chteniya: Materialy pervoi regional'noi muzeinoi konferentsii*, Chelyabinsk, pp. 210–216.

Shul'ga P.I., 2007. O konstruktsii ranneskifskikh poyasov s Altaya i prilegayushchikh territorii [About a design of early Scythian belts from Altai and adjacent territories]. *Altai-Sayanskaya strana i sosiednie territorii v drevnosti*, Novosibirsk: Izdatelstvo IAET SO RAN, pp. 27–40.

Shul'ga P.I., 2008. *Snaryazhenie verkhovoi loshadi i voinskie poyasa na Altai* [Saddle horse equipment and military belts in Altai], Barnaul: Azbuka, 276 p.

Shul'ga P.I., 2010. *Sin'tsyan' v VIII–III vv. do n.e.: (Pogrebal'nye komplekсы, khronologiya i pereodizatsiya* [Xinjian in the VIII–III centuries BC: (Funeral complexes, chronology and periodization)], Barnaul: Izdatelstvo AltGU, 238 p.

Erlich V.R., 2007. *Severo-Zapadnyi Kavkaz v nachale zheleznogo veka: Promeotskaya gruppa pamyatnikov* [The northwest Caucasus at the beginning of the Iron Age: Prothomeotic group of monuments], Moscow: Nauka, 430 p.

Vishnevskaya O.A., 1973. *Kul'tura saksikh plemen nizov'ev Syrdar'i v VII–V vv. do n.e. (po materialam Uygarak)* [Culture of the Saka tribes of the lower Syr-Darya in the VII–V centuries B.C. (on the example of Uygarak materials)], Moscow: Nauka, 160 p.

Wang Ming zhe, 1999 (ed.). *Sin'tsyan ven'yu kaogu yan'tszyuso: «Sin'tsyan chau yui hu» dunfan chubanshe*, 1999, tuban san'tsyu, 1. (新疆文物考古研究所: 《新疆察吾呼》, 东方出版社, 图版三九, 1).